

Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 154–162
Speech Genres, 2021, no. 2 (30), pp. 154–162

Научная статья
УДК 811.161.1'272:005.573
<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-154-162>

Публичные интернет-дискуссии о вере: проблема эффективности убеждения

А. И. Матяшевская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Матяшевская Ангелина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского
языка и межкультурной коммуникации, angelinacaribe@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-4465-208>

Аннотация. Рассуждая о средствах достижения эффективной коммуникации, лингвисты традиционно уделяют наибольшее внимание типу адресата дискурса и условиям его взаимодействия с адресантом. В данной статье некоторые трансформации устных жанров в Интернете были рассмотрены на примере публичных дискуссий о роли православной веры в жизни современного человека, функциях религии в духовном воспитании общества и её соотношении с научными достижениями XXI века. Проведённый на материале собственных расшифровок анализ видеозаписей свидетельствует о том, что основным адресатом убеждения, определяющим выбранные непосредственными участниками дискуссии способы аргументации, становится именно массовая молодёжная аудитория.

Гостями интернет-версии программы «Не верю: разговор с атеистом» становятся люди всех возрастов и профессий: священнослужители, учёные и популяризаторы науки, политики, журналисты, переводчики, врачи, деятели искусства, кинокритики и блогеры. Очевидна ориентация выступающих на сближение с прогнозируемой аудиторией при помощи рассмотрения сложных философских вопросов на примере обсуждения близких каждому зрителю ситуаций с привлечением как логических, так и эмоционально-оценочных доводов. Обращается внимание на формат непринуждённой и доброжелательной беседы. Сказывается оживлённый обмен мнениями, что помогает направлять внимание интернет-пользователей на восприятие и многоуровневую интерпретацию высказанных в программе суждений. Разнообразие точек зрения позволяет вызвать у молодёжной аудитории интерес к обсуждаемым в программе вопросам, способствует развитию критического мышления, побуждает зрителей перейти к собственным поискам истины и формированию обоснованной позиции в вопросах веры и неверия. Результаты исследования могут применяться для формирования и развития риторических навыков студентов.

Ключевые слова: эффективность коммуникации, адресат, адресант, аргументация

Для цитирования: Матяшевская А. И. Публичные интернет-дискуссии о вере : проблема эффективности убеждения // Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 154–162. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-154-162>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-154-162>

Public Internet discussions on faith: The problem of persuasion effectiveness

A. I. Matyashevskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Angelina I. Matyashevskaya, angelinacaribe@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4465-208>

Abstract. Considering effective communication, linguists traditionally focus on the type of the addressee and the conditions of their interaction with the addresser. The paper analyzes some transformations of oral genres on the Internet, including public discussions on the role of Orthodox faith in modern life, the functions of the religion in the spiritual and moral education of the contemporary society and its relation to the scientific breakthroughs of the 21st century. The analysis of video materials shows that their main addressee is the youth audience. Thus, it determines the methods of argumentation chosen in public Internet communication.

The YouTube program “I Don’t Believe in God: Talking to an Atheist” has guests of all ages and professions: clergy, scientists and popularizers of science, politicians, journalists, interpreters, doctors, artists, movie critics and bloggers. The speakers are obviously oriented toward the predicted audience, complicates philosophical issues are discussed using real-life examples and involving both logical and emotional arguments. The article also focuses on the relaxed and friendly atmosphere of the conversation. Notably, a lively exchange of opinion boosts the Internet users’ attention and encourages the multidimensional interpretation of the views. A variety of perspectives sparks the youth interest in the discussed issues, facilitates critical thinking, inspires viewers to search for the truth themselves and to form sound judgments on religious faith and atheism. The results of the research may be used to improve students’ public speaking skills.

Keywords: effective communication, addresser, addressee, argumentation

For citation: Matyashevskaya A. I. Public Internet discussions on faith : The problem of persuasion effectiveness. *Speech Genres*, 2021, no. 2 (30), pp. 154–162 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-154-162>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Постановка проблемы

Поскольку ключевые особенности жанров речи неразрывно связаны со сферой их функционирования [1], внимание жанроведов привлекает их эволюция в современных условиях, главным образом, в Интернете [2]. Лингвисты отмечают, что даже довольно консервативный религиозный дискурс активно проникает в интернет-пространство [3], в результате появляются новые возможности убеждения и взаимодействия с массовым адресатом [4]. При этом затрагиваются вечные вопросы о роли христианской веры в обществе и её соотношении с объективным знанием [5, 6], для чего нередко применяется характерная для научного доказательства логическая аргументация [7].

Кроме того, в современном дискурсе о вере на первый план выходят адресованность, увлекательность и интерактивность выступления [8], без соблюдения которых запросы прогнозируемого адресата не будут удовлетворены [9], что в условиях огромного разнообразия интернет-ресурсов неизбежно приведёт к нежелательному сокращению просмотров конкретного онлайн-канала.

Описание цели, задач и методик исследования

Цель исследования – выявление принципов создания эффективности коммуникации в религиозном интернет-дискурсе сторонников науки и веры. Для этого рассмотрим аргументацию в публичных дебатах о Боге сквозь призму взаимодействия адресантов с прогнозируемой аудиторией, становящейся в данном случае основным адресатом. Нами было выполнено обобщение результатов лингвистических исследований и методом сплошной выборки проанализированы особенности жанра дебатов о вере на материале собственных расшифро-

вок 24 видеозаписей на русском языке общим объёмом 164372 словоупотребления.

В качестве материала исследования были выбраны YouTube-выпуски программы «Не верю: разговор с атеистом» с менее жёсткой структурой, чем рассмотренные нами ранее англоязычные дискуссии *The God Debate* [10]. Русская версия построена по принципу непринуждённой беседы верующего и атеиста вместо формального вступительного слова, ответа оппоненту и заключительного обращения к зрителям в английском материале.

1. Адресант и прогнозируемый адресат

Важной особенностью программы «Не верю: разговор с атеистом» считаем выбор приглашённых участников дискуссии: оппонентами священнослужителей становятся мужчины и женщины самых разных возрастов и профессий – учёные и популяризаторы науки, политики, журналисты, переводчики, врачи, деятели искусства, кинокритики и блогеры, что, несомненно, повышает интерес к программе молодёжной аудитории, именно она является адресатом всех участников дискуссии. Безусловно, разнообразие сфер деятельности выступающих позволяет им приводить неожиданные для интернет-пользователей аргументы в поддержку своей точки зрения, что делает обсуждение более динамичным. В качестве примера приведём отрывок из беседы кандидата экономических наук со священником: **Я бы хотел обратить внимание вот на следующий тезис, который вы обозначили, что в скандинавских странах, в отличие от России, церковь пользуется государственной поддержкой, если я вас правильно понял. Вот с этим я бы сильно поспорил, потому что мне представляется что в России как раз церковь пользуется большой государственной поддержкой, экономической в первую очередь: известно, что церковь освобождена от большого ко-**

личества налогов, которые государство взимает и с бизнеса и с граждан – что позволяет, по сути дела, заниматься коммерческой деятельностью (канд. экон. наук, доц. РЭУ им. Плеханова О. Комолов). При этом ведущий программы вынужден иногда вмешиваться в диалог сторон, чтобы направить его в нужное русло: *Мне бы хотелось, чтобы Вы, Олег, поспорили, но не с экономической составляющей – все-таки с Вами как с кандидатом экономических наук тут, мне кажется, бессмысленно нам спорить* (Ведущий – О. Комолову).

Отметим, что, помимо священнослужителей, кресло адепта религии в данной программе предоставляется и людям других профессий; в этом случае продюсерами оппонент целенаправленно подбирается так, чтобы сделать обсуждение наиболее оживлённым. В этом отношении показателен пример беседы художественного руководителя МХАТ им. Горького Эдуарда Боякова с режиссёром Константином Богомоловым, когда обсуждение вопросов веры ведётся не абстрактно, а с позиций её роли для европейской культуры и просвещения: *То, что европейская культура депрессивна, потому что она детерминирована вот этим христианским страданием, вот этим христианским... христианской зависимостью от смерти – ровно наоборот, она депрессивна, потому что она потеряла радость христианскую, она потеряла веру в воскресенье, она потеряла дисциплину и заветы, которые были апостолами обозначены, описаны* (худрук МХАТ Э. Бояков). Более того, по мере развёртывания подобный диалог неизбежно приобретает персонализированность, благодаря чему у зрителей создаётся иллюзия присутствия при личной беседе двух деятелей искусства: *Мне сложно говорить о радости общения с Богом, потому что я сейчас говорю, общаюсь с Константином, пытаюсь остаться на нашей территории – если мы режиссеры, то мы тогда можем говорить об эмоции, о правдивости этого состояния. Я критически отношусь ко многому из того, что я вижу на сцене в постановке режиссера Богомолова; тем не менее, я всегда отдаю отчет, что Константин очень-очень точно... он честный режиссер, понимаете* (худрук МХАТ Э. Бояков).

Большинство выступающих в программе, стараясь учесть интересы зрителей, нередко обращаются напрямую к массовому адресату и озвучивают его тревоги и проблемы: *В данном случае хотел обратиться к телезрителям и обратить внимание нас всех на вот эти слова: уважаемые телезрители, даже если вы верите, не «переобуваетесь».*

Не пытайтесь поверить или не поверить в зависимости от того, что вам диктует власть, бизнес, телевизор или кто-то еще, вырабатывайте свою позицию. <...> Та высокая материя, которая... о которой мы можем говорить на философском языке, она интересна и доступна очень небольшому кругу людей, а подавляющее большинство людей решает проблему, сколько надо заплатить за то, чтобы крестить, сколько надо заплатить за то, чтобы похоронить, на какой машине приехал тот или другой батюшка и сколько денег церковь потратила на строительство храмов и всего остального (д-р экон. наук, проф. МФЮА А. Бузгалин). Об этом свидетельствует заострение внимания на определённом аспекте религиозных верований (например, роль женщины в семье и обществе), а также сам выбор слов (включение модной лексики): *Возьмем роль женщин: очевидно же, что, исходя из очень таких старых, базовых установлений и христианства, и ислама, и, наверное, огромного количества других религий, не получилось бы того количества прекрасных женщин-ученых, художников, спортсменов, еще чего-то, что мы видим вокруг* (астрофизик, проф. РАН С. Попов); *Христианство – это религия радости, да, мой девиз, мой хештег: вера – это радость, потому что христианство делает человека счастливым уже сейчас и продолжает это счастье и за рамки этой земной жизни* (священник С. Колотвин).

В то же время участники дискуссии признают, что затрагиваемые вопросы очень сложны и не всегда уместны в ограниченный формат передачи: *Вот здесь я вижу очень серьезное упрощение, но, к сожалению, его продемонстрировать можно только на каких-то конкретных примерах, но для этого нет места в нашей передаче* (протоиерей А. Рахновский); *Здесь (тезисы. – А. М.) очень серьезные, требующие на самом деле, наверное, намного большего формата, чем предполагает наша передача, но постараемся вкратце, хоть как-нибудь, коснуться, немножечко наметить то, что можно обрисовать мелом* (диакон Р. Криницын). Для облегчения восприятия сказанного они привлекают примеры из личного опыта, что должно вызвать доверие и стать более убедительными для разнородной интернет-аудитории: *У нас двое детей, я никогда жене не изменял и не только потому, что я ее люблю, но потому, что я ее уважаю; мне не кажется, что это должно быть связано с какой-то религией, с какой-то верой* (политолог, переводчик М. Бернардини); *Вот знаете, почему я пошел в священники – не оттого, что у меня были проблемы с проф.ориентацией*

или меня, там, допустим, накрыло тяжелым предметом по голове в процессе обучения на кафедре научного атеизма. <...> Хотя я учился на пятерки, но, к сожалению, мне это не давало ответов на вопросы, и, когда я задавал эти вопросы совершенно честно и искренне, будучи простым студентом из семьи простого советского офицера, приехавшего с Нарьян-Мара – и когда я задавал вопросы – я не был отнюдь рафинированным москвичом, я из народа, простой совершенно парень рабоче-крестьянский – задавал вопросы, я видел, что ответы моих старших коллег необидительны (протоиерей М. Васильев).

Во многих случаях беседа участников программы проходит подчёркнуто доброжелательно, что вызывает симпатию зрителей, независимо от того, насколько им близки взгляды говорящего. Готовность к компромиссу, допущение разных точек зрения наиболее ярко прослеживаются при обсуждении вопроса о месте науки и религии в жизни современного человека, например: *Так что созная эти направления (науку и религию. – А. М.) вполне родственными, взаимодополняющими и перед очами Божиими необходимыми совершенно* (игумен Л. Степанов); *Я всегда воспринимаю знание больше как спираль, по которой там постепенно движемся – знаю, верю, то есть, они не взаимоисключающие понятия, всегда вера требует определенных знаний, знания показывают, где граница нашего знания и приводят к определенной вере* (канд. физ.-мат. наук Д. Собур); *Я думаю, что в современную эпоху – ее часто называют постсекулярной – разговор идет, скорее, я думаю, не между верующим и неверующим, а скорее, разговор этики и каким способом мы осмысливаем эту этику. Потому что в данном случае, мне кажется, развитие светской культуры на каком-то этапе приводит к диалогу с верующими, поскольку вообще религиозное мировоззрение, некоторые этические принципы стали общегражданскими, если угодно, общемировыми* (общественный деятель И. Прохорова). Более того, некоторые из выступающих пытаются доказать, что наука и религия решают общие проблемы: *Мы, священники, как и врачи-психиатры, психотерапевты можем говорить о тех или иных патологиях, если выразаться этим языком, и у нас на самом-то деле очень много точек соприкосновения* (иермонах Г. Войтишко).

Уход от стереотипного, упрощённого противопоставления верующих и атеистов становится дополнительным преимуществом в глазах зрителей, поскольку позволяет им детально

рассмотреть разнообразные аспекты существования религии в современном обществе и получить представление о многообразном спектре существующих по этому поводу мнений: *Мне очень часто в таких случаях говорят, что атеизм – это еще одна религия. Естественно, я не согласен, потому что это, наоборот, отрицание религии, но об этом мы можем поговорить, это вовсе не значит, что надо ссориться по этому поводу, да, эта тема для обсуждения* (политолог, переводчик М. Бернардини); *С точки зрения верующего человека, для меня, допустим, нету никакого, так сказать, возмущения в том, что здесь уравниваются и верующие и неверующие, потому что для меня, как верующего... я понимаю, что действительно Бог может говорить в любой ситуации практически с любым человеком – зависит от того, насколько сложились обстоятельства жизненные, что человек близок к тому, чтобы услышать Бога* (диакон Р. Криницын).

Кроме того, собеседники признают очевидные недостатки крайних точек зрения: *Например, когда о диалоге говорят люди агрессивно неверующие, они смотрят на верующих как на какой-то такой контактный зоопарк <...> Верующие, в свою очередь, не лучше себя ведут: они агрессивно такие... зелотствующие верующие... ведут себя таким образом, как если бы неверующее сообщество, во-первых, было абсолютно гомогенным, единым, с одной стороны, а с другой, как будто им там не доставало гипоталамуса или еще чего-нибудь, и они какие-то вот лишены, чего-то у них вот... убогие они какие-то в отрицательном смысле* (протоиерей А. Абрамов). Многие из них понимают всю важность выбора правильных слов при обсуждении таких серьёзных вопросов и делают всё возможное, чтобы избежать риска быть неправильно понятым или случайно не оскорбить чувства собеседника: *Я хочу сказать, что в этом отношении надо правильно выбирать слова, да, то есть я иногда боюсь сказать что-то такое, что ... чтобы не быть неправильно понятым... Я имею в виду, что религия для меня это вера во что-то нематериальное, во что-то достаточно эфемерное. В принципе, многое и в науке есть... что-то такое достаточно нерелятивное, несуществующее, да, если взять вот этот Большой взрыв (медбрат-анестезист П. Козлачков); Я точно, упаси боже, сейчас не хочу Вас поучать и выполнять роль такого миссионера, но хочу заметить, что православными в нашей традиции являются не те люди, которые исправно читают молитвы, а те люди, которые верят, ко-*

торые просят Бога, обращаются к Богу от сердца (худрук МХАТ Э. Бояков).

Однако иногда терпимость к инакомыслию и уважение к собеседнику становятся только формальностью, а вопросы к нему носят намеренно провокационный характер: *Сейчас мы видим, что выступают – даже их священниками как-то странно назвать – попы выступают и пытаются навязать свои достаточные реликтовые взгляды, и поэтому у меня вопрос к моему уважаемому визави: насколько я понимаю, во время хиротонии, то есть, когда вас рукополагают в священнический сан, на вас сходит благодать, и она с вами пребывает – можете прояснить, когда они говорят глупость, вот когда они говорят откровенную глупость, про то, что женщины, например, слабее умом, у них благодать как-то отключается или она у них в каком-то фоновом режиме, то есть, что происходит с благодатью, которая на нем, на священнике, должна пребывать постоянно?* (кардиолог, исследователь С. Нестеров)

Религия часто рассматривается приглашёнными в программу священнослужителями как основополагающий фактор в развитии человеческого общества: *Важно, чтобы церковь была таким нравственным камертоном, задающим тон этим отношениям в обществе* (иермонах Г. Войтишко); *Я не стал бы абсолютизировать значение научного метода и вообще научного познания* (протоиерей А. Абрамов). В качестве доказательства своей правоты адепты религии утверждают, что именно вера в Бога способна дать ответы на вечные вопросы о смысле жизни, и только она гарантирует абсолютную любовь: *Религия отвечает на главный вопрос для человека: что такое смерть, и есть ли за ней продолжение бытия* (протоиерей Л. Калинин); *Он (человек. – А. М.) хочет найти что-то большее, ради чего ему следовало жить <...> Человек задаётся вопросом: а что дальше, а куда дальше – вот как раз на этот вопрос, мне кажется, отвечает религия* (канд. физ.-мат. наук Д. Собур); *Бога я представляю как личность, личность, полную любви, и эта любовь... она и является единственной путеводной звездой в нашем мире* (священник С. Колотвин). При этом оппоненту иногда удаётся вынудить священнослужителя прокомментировать неоднозначные противоречия религиозной доктрины, например, вопрос о том, за чьи грехи страдают и умирают малолетние дети: *Бог принимает решение за маленького ребеночка, которого уже родители его губят, так или иначе, либо медленно, либо быстро; либо его бабушки-бабушки виноваты – неважно, и в любом слу-*

чае, уже ему дает свое *небесное царство, вечную жизнь* (священник С. Колотвин).

Отметим, что поскольку православная религия была официально провозглашена правящей партией одной из духовных скреп, приглашённые в программу «Не верю: разговор с атеистом» священнослужители нередко используют манипулятивные приёмы убеждения, апеллируя к общенародным патристическим символам: *Я выбираю эту религию, где Бог меня любит, где Бог готов ради меня умереть, как я готов умереть ради своих детей, и наши тоже крещёные и некрещёные предки во время Великой Отечественной войны тоже были готовы умереть, даже не ради своих детей, ради абсолютно незнакомых людей рядом с собой* (священник С. Колотвин); *Логика такова, что вера меняет поведение людей. Вот, например, праздник народного единства государственный, на который также выпадает церковный праздник Казанской иконы Божьей матери, когда Москва была освобождена от поляков. И у нас было очень много моментов даже в истории нашего государства, когда происходило то, что не могло происходить, когда вера людей, с точки зрения верующего человека, меняла не только собственную жизнь – да, потому что верующий человек, он призван, в первую очередь, изменить себя – но меняла и отношения внешних людей* (диакон Р. Криницын).

В русле привычной политической риторики религиозные и семейные ценности в российской государственности стандартно противопоставляются вырождению Запада с его тлетворным влиянием на нашу страну – говорящий целенаправленно сгущает краски, а эмоциональные аргументы подбираются им так, чтобы шокировать потенциального адресата, вызвать отторжение и ненависть к западному обществу: *На сегодняшний день мы видим, что западная культура в своем стремлении к индивидуализму дошла до чудовищных совершенно форм распада, отвратительных произведений, которые не прославляют ни Бога, ни его творение, прославляют грязь, невероятные страсти и грехи человека и их ставят на пьедестал* (протоиерей Л. Калинин); *Неужели вы не чувствуете, что происходит регресс в очень важных областях? Например, сыпется институт семьи <...> Происходят такие вещи, которые еще 100–200 лет назад представить было нельзя. <...> Модели какие-то были несколько более, на мой взгляд, удобные, например, для деток, которые при живых родителях, как правило, не оставались сиротами, общество не было способно, например, эмбриональные ткани тела убитых деток*

отправлять на экспорт и сделать из них, например, средство от импотенции или другие косметические всякие средства (протоиерей М. Васильев).

В ответ оппоненты священнослужителей утверждают, что религиозное понимание сотворения мира нередко оказывается весьма упрощённым и исчерпывающие ответы на многие вопросы возможно найти только благодаря научному познанию: *Конечно, когда мы начинаем рассматривать и самих себя, и Землю, и Солнечную систему, мы можем впасть в такое мнение или получить такое впечатление, что речь идет действительно о каком-то невероятном сочетании факторов, и здесь вот как раз и возникает это слово – чудо. Но на самом деле, это вопрос, на который надо искать ответ с научной точки зрения. Мы можем сказать: «Да, у нас есть вопрос, да, у нас нет пока ответа на этот вопрос, почему мы здесь, почему находится Вселенная – давайте искать этот ответ». А можно придумать ответ и потом уже больше ничего не искать – это, конечно, более легкий путь и, может быть, путь, который обеспечивает большее душевное спокойствие, но с научной точки зрения это тупик. Это идти, идти а потом вдруг остановиться и сказать: «Всё, я дальше не пойду. Это чудо, на этом научный поиск заканчивается». А почему его заканчивать? (д-р физ.-мат. наук, астроном Д. Вибле)* Кроме того, занимающие в программе кресло атеиста указывают на двойную мораль некоторых представителей церкви, которые следуют христианским заповедям только на словах: *Ты понимаешь, ты видишь, что слова очень часто... священников расходятся с делами. <...> Почему вы себя называете учителями, отцами, вы хотите сказать, что у вас есть нечто, благодаря чему вы можете поучать других?* (кардиолог, исследователь С. Нестеров).

2. Особенности аргументации в дискуссиях о вере

Сторонники научного познания следуют принципам объективности и доказанности, а в качестве основных аргументов приводят факты, не согласующиеся с библейской версией творения: *Мы знаем, что принципы критического мышления, которые лежат в основе и научного подхода... мы знаем, что это самый лучший и единственный эффективный способ познания происходящего вокруг, потому что мы знаем, что наука работает – история человеческого прогресса это прекрасно демонстрирует* (переводчик А. Малов); *Наука эволюционная биология достаточно четко сейчас*

установила, что Адама и Евы не было, то есть первичной пары никогда не было – это вот генетика эволюционная, что мы вышли из Африки, причем это тысячи там определенных людей<...> Научный факт – первичной пары никогда не было, соответственно, не было райского сада, соответственно, не было грехопадения и вот не было ... соответственно, не было сада, соответственно не было греха и собственно Иисусу приходиться было незачем (кардиолог, исследователь С. Нестеров). Атеисты следуют логической процедуре последовательного доказательства: *Мне удалось, опираясь на известные теоремы о неполноте – их доказал Курт Фридрих Рудольфович Гёдель в 1930 году – выстроить цепочку рассуждений, показывающую, что бытие божие, во-первых, невозможно, во-вторых, не нужно* (журналист А. Вассерман).

Отметим, что и приглашённые в программу священнослужители иногда пытаются найти какие-то ответные рациональные доводы, например, что не только наука, но и религия системна, что позволяет обучаться и вести исследования в духовных образовательных учреждениях: *Я бы не стал игнорировать эту вот именно рациональную составляющую, и мне очень хочется... я настаиваю, что религия это не слепое следование куда-то там неизвестно куда, это совершенно четко сформулированная дорога и практика, мой личный взгляд формировался в духовных учебных заведениях* (протоиерей В. Гелеван).

Комментируя ход рассуждений собеседника, выступающие пытаются обратить внимание зрителей на его неоднозначные утверждения и дополнить их собственным видением проблемы: *Человек становится атеистом не для того, чтобы стать свободным. Бог дает человеку возможность ответить «нет» на обращенную Богом к человеку любовь. <...> Бог никогда никого не насилует* (иермонах Г. Войтишко); *Мне кажется, что эта вот концепция ада и рая, что вот есть воздаяние определенное, есть наказание, есть поощрение – такой кнут и пряник своеобразный – она создает такую форму эгоистичности в человеке, что ты боишься или хочешь получить что-то, что тебя вознаградит, то есть все твои поступки вследствие этого продиктованы этим своеобразным эгоизмом* (медбрат-анестезист П. Козлачков). При этом говорящими подчёркивается, что высказанная критика конструктивна и вызвана лишь стремлением к объективности, а не желанием выиграть спор любой ценой: *Во-первых, как обычно, хочется вступить за Дарвина: возводить*

такой социалдарвинизм Дарвина это то же самое, что обвинять Христа в религиозных войнах – это неправильно, так нельзя подходить к вопросу (астрофизик, профессор РАН С. Попов); Вы же учились в школе, правда? Соответственно, Вы слышали имена Пифагор, Евклид, Фалес, Архимед – эти люди внесли свой вклад в современную науку, поэтому разговоры о том, что современная наука в христианстве там, в кельях в каких-то – это просто неправда (кардиолог, исследователь С. Нестеров); Мне жаль, что собеседник начинает вот переходить... если не на личности, то отпустить такие шпильки про тоталитарные режимы – я же не говорю про церковь, про там злые времена инквизиции, про костры, я, например, предпочитаю вспоминать те вещи, в которых у церкви было положительное влияние, например, как крестили Русь (коммунист П. Тарасов).

Отметим важность выбора аналогий в сравнениях рассуждающего, поскольку они вызывают определённый эмоциональный отклик и задают адресату соответствующий угол зрения. Так, в следующем примере видим сравнение христианства с советской идеологией, которая не выдержала проверку временем, однако несостоятельность религии невозможно проверить, поскольку, в отличие от коммунизма, все блага обещаны только после смерти: **Что коммунисты, что, условно церковники...** <...> **опять-таки говорят, что личность вторична по отношению там либо к Богу, либо к какой-то идее.** <...> **Вы опять-таки говорите: »Вот сейчас откажись от всего и потом тебя ждут плюшки».** <...> **В чем разница принципиальная...** <...> **Вы обещаете свои условные плюшки после смерти, оттуда никто никогда не возвращается** (кардиолог, исследователь С. Нестеров). Весьма актуальным с точки зрения современных ценностей и идеалов, близким и понятным для зрителей становится рассмотрение атеизма как заведомо убыточного бизнес-проекта: **Это главный вопрос человека: что будет со мной после смерти. Он держит в себе еще одну какую-то такую попытку найти понимание: а что если будет это продолжение, что я должен сделать, чтобы это продолжение для меня было счастливым и комфортным? Ни один нормальный человек, ни один нормальный бизнесмен не начнёт вкладываться в проект, который будет на 100% разрушен** (иермонах Г. Войтишко).

Поскольку в большинстве случаев участники программы настроены поддерживать диалог с оппонентом, они используют тактику частичного согласия, ищут точки соприкосновения, казалось бы, противоположных взглядов, опро-

вергая только отдельные озвученные тезисы, а не концепцию веры или неверия в целом: **Мы сегодня живем вообще в мире, где все построено на вере: если вы включаетесь в рынок, вы не можете эмпирически определить качество продуктов, качество тех или иных предметов, вам остается одно – верить.** **Если вы включаетесь в область политики, идете на выборы, вы тоже исходите из веры – все сегодня вера, вера, вера.** **Но, с моей точки зрения, человек должен определять этот мир сам, быть неотчужденным – если я верю, я исхожу из рекламы или из чьих-то рекомендаций или из каких-то таких пиаровских посылов – а мне нужно самой определить эту реальность** (д-р филос. наук, проф. МГУ Л. Булавка-Бузгалина); **С христианской точки зрения, в основе всех проблем со здоровьем человека, его целостностью, то есть проблемами исцеления – поэтому мы говорим об исцелении – со всем здоровьем человека лежит, безусловно, грех.** <...> **Но если бы все так было просто, тогда не нужна была бы ни медицина, ни ее частные там производные формы, начиная от психиатрии, заканчивая там пульмонологией, и все было бы просто, а на самом деле все не так просто** (иермонах Г. Войтишко).

Возможность задать уточняющий вопрос собеседнику обеспечивает постоянную смену коммуникативных ролей, что делает дискуссию более естественной и непринуждённой: **На самом деле, у меня нет четкого мнения по этому поводу, я как раз хотел адресовать этот вопрос – мне интересно узнавать мнения компетентных людей на этот счет** (астрофизик, профессор РАН С. Попов); **В этой душе, если мы говорим о человеке, есть нечто особенное, что выделяет его из всего животного мира, с нашей точки зрения.** **Хотя вот мне было интересно услышать от Вас, если вы можете это нащупать, с чем мы работаем?** (иермонах Г. Войтишко). В отдельных случаях обмен репликами напоминает своеобразную пикировку гостей программы, что усиливает воздействие на интернет-пользователей и их интерес к продолжению «знакомства» с доводами сторон: **Если тот тезис, который Вы озвучиваете, подтверждается статистикой, то есть ли у вас статистика, например, о числе верующих и атеистов, сидящих в тюрьмах за различные преступления – у нас, в Америке? У меня есть, я знаю, что, например, в США атеистов по опросам более 7% населения, а в тюрьмах их 0,2 %, то есть в 40 раз меньше. Верующие, получается, в тюрьме оказываются чаще, чем атеисты. Я понимаю что Вы... из Ва-**

шего этого утверждения можно делать разные выводы, но, по крайней мере, Вы начали говорить про статистику, я Вам этот тезис вернул (популяризатор науки А. Соколов). Как видим, участники программы не читают заранее заготовленный текст, а именно беседуют, подбирая факты, аргументы, что-то вспоминают и добавляют – всё это делает дискуссию более «живой» и увлекательной для прогнозируемого адресата.

Выводы

Готовность детально рассмотреть многоаспектное взаимодействие науки и религии в современном обществе в сочетании с нетривиальностью суждений большинства гостей программы «Не верю: разговор с атеистом» можно считать неотъемлемыми требованиями

эффективности подобной коммуникации. Проведённый анализ расшифровок позволяет заключить, что успешность аргументации в публичной дискуссии о вере в немалой степени определяется особенностями самого интернет-пространства и ожиданиями его пользователей: отсутствие категоричности, оживлённая беседа с поочерёдным обменом репликами, логическое обоснование утверждений по принципу научного доказательства и выбор для обсуждения актуальных для каждого мыслящего человека вопросов становятся факторами, гарантирующими сближение с молодёжной аудиторией программы. Подобные дискуссии не оставляют у пользователя ощущения пассивности: взвесив и оценив аргументы каждой из сторон, зрители имеют возможность прийти к собственным умозаключениям или же продолжить поиски истины самостоятельно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деметьев В. В. О типологии речевых жанров в связи со сферами речевой коммуникации и без такой связи // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 3. С. 630–644. [https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(3\).630-644](https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(3).630-644)
2. Деметьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>
3. Гаврилов Е. О. Оцифрованное сакральное: особенности существования религии в интернет-пространстве (по материалам СМИ) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 28. С. 177–183.
4. Салахова А. Г.-Б. Стратегия аргументации в религиозном интернет-дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 34 (215). С. 109–112.
5. Нескрябина О. Ф. Исторически относительные и психологические константные особенности публичного дискурса о вере // XVII Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения «1917–2017: уроки столетия»: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Красноярск, 16–18 янв. 2017 г.). Красноярск: Восточная Сибирь, 2017. С. 354–358.
6. Нескрябина О. Ф. Публичный дискурс о вере: особенности социально-психологического анализа // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6, № 4. С. 555–565.
7. Бобкова А. Ю. Методы аргументации в научной дискуссии // Экономика развития. 2011. № 1 (57). С. 99–101.
8. Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приёмы её достижения / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилициной. Саратов: ИЦ «Наука», 2019. 236 с.
9. Сиротинина О. Б. Факторы, влияющие на эффективность коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 1 (16). С. 39–47. <https://doi.org/10.17516/2311-3499-047>

10. Матяшевская А. И. Эффективность убеждения в дебатах о Боге // Личность – Язык – Культура: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 27–28 ноября 2019 г.). Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 82–87.

REFERENCES

1. Demytyev V. V. About the Typology of Speech Genres in Connection with Spheres of Speech Communication and Without Such a Connection. *Communication Studies*, 2019, vol. 6, no. 3, pp. 630–644 (in Russian). [https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(3\).630-644](https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(3).630-644)
2. Demytyev V. V. “Speech Genre” Theory and Actual Processes in Contemporary Speaking. *Topics in the Study of Language*, 2015, no. 6, pp. 78–107 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>
3. Gavrilov E. O. The Digitized Sacred: Features of Religion Existence on the Internet (on Media Sources). *The Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2014, no. 28, pp. 177–183 (in Russian).
4. Salakhova A. G.-B. Argumentation Strategies in the Religious Internet Discourse. *Chelyabinsk State University Bulletin*, 2010, no. 34 (215), pp. 109–112 (in Russian).
5. Neskriabina O. F. Historically Relative and Psychologically Constant Features of the Public Faith Discourse. *XVII Krasnoyarskie kraevye Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniia “1917–2017: uroki stoletia”: materialy mezhregion. nauch.-prakt. konf. (Krasnoyarsk, 16–18 yanvarya 2017 g.)* [XVII Krasnoyarsk Regional Christmas Educational Readings “1917–2017: Lessons of the Century”: Materials of the International Scientific and Practical Conference (Krasnoyarsk, 16–18 January 2017)]. Krasnoyarsk, Vostochnaya Sibir' Publ., 2017, pp. 354–358 (in Russian).
6. Neskriabina O. F. Public Discourse on Faith: Characteristics of Social Psychological Analysis. *Issues of Journalism: Theory and Practice*, 2017, vol. 6, no. 4, pp. 555–565 (in Russian).
7. Bobkova A. Iu. Methods of Argumentation in the Scientific Debate. *Development Economics*, 2011, no. 1–57, pp. 99–101 (in Russian).
8. *Effektivnost' kommunikatsii: poniatie, rol' adresanta i adresata, osnovnye priemy ee dostizheniia. Pod red.*

O. B. Sirotininoi, M. A. Kormilitsynoi [O. B. Sirotinina, M. A. Kormilitsyna, eds. Effective Communication: Concept, Roles of Addresser and Addressee, Ways to Achieve It]. Saratov, ITS "Nauka" Publ., 2019. 236 p. (in Russian).

9. Sirotinina O. B. Factors Contributing Effective Communication. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2019, no. 1 (16), pp. 39–47 (in Russian). <https://doi.org/10.17516/2311-3499-047>

10. Matyashevskaya A. I. Effective Persuasion in the God Debate. *Lichnost' – Iazyk – Kul'tura: materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Saratov, 27–28 noiabria 2019 g.)* [Personality – Language – Culture. Materials of the All-Russian scientific-practical conference (Saratov, 27–28 November 2019)]. Saratov, ITS "Nauka" Publ., 2020, pp. 82–87 (in Russian).

Поступила в редакцию 18.05.2020 / После рецензирования 17.06.2020 / Принята 23.07.2020

Received 18.05.2020 / Revised 17.06.2020 / Accepted 23.07.2020